

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Василий Белов
**РАССКАЗЫ
О ВСЯКОЙ
ЖИВНОСТИ**

Василий Иванович Белов
Рассказы о всякой живности
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917885

Рассказы о всякой живности: Детская литература; М.; 2007

ISBN 978-5-08-004209-6

Аннотация

В книгу замечательного русского писателя Василия Ивановича Белова вошли повесть «Каникулы» и «Рассказы о всякой живности».

Содержание

Об авторе этой книги	5
Каникулы	8
1	9
2	16
3	23
4	29
5	37
6	45
7	49
8	56
9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Василий Иванович Белов

Рассказы о всякой живности

© Белов В., 1989

© Воронов Ю., иллюстрации, 1989

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2007

Белов.

Об авторе этой книги

Федор Абрамов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, Василий Шукшин... В этом ряду стоит имя замечательного русского писателя Василия Ивановича Белова.

Родился Белов на Вологодчине, в деревне Тимониха, 23 октября 1932 года. Там, в родной деревне, он живет и сейчас. Много пишет, встречает с любовью гостей и близких людей.

Однажды В. Белова спросили: «Как поживает ваша Тимониха?» Писатель честно ответил: «Ее уже нет. Это и печалит... Судьба Тимонихи типична для многих тысяч русских деревень. Там, где со времен Даниила Заточника¹ звучали песни и бегали ребятишки, дымились трубы, мычали коровы, теперь одна трава и кусты...»

И на самом деле, жителей в Тимонихе осталось совсем мало. Но это родная земля, любимый край. Именно Василий Белов отстроил заново деревенскую церковь и сам выполнил все плотницкие работы. За восстановление храма в родной деревне Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил его орденом Святого Даниила.

Сегодня Василий Белов – крупный писатель и общественный деятель. Признанием его заслуг стало присуждение Го-

¹ Даниил Заточник – древнерусский книжник XII в., автор знаменитого «Моления».

сударственной премии в 1981 году и награждение орденом Трудового Красного Знамени в 1983 году, орденом Ленина – в 1984 году. Ему также присуждена литературная премия Союза писателей имени Л.Н. Толстого в 1992 году и Всероссийская литературная премия имени Аксакова в 1996 году.

Но разве это главное в творчестве писателя? И разве об этом вспоминаем мы, читая книги Василия Белова?

Творчество писателя отобразило все многообразие жанров русской литературы: рассказы (среди них – психологические этюды, поэтические миниатюры, новеллы), социально-аналитическая повесть, повесть-раздумье, семейная, бытовая повесть, эпический роман, очерки о народной эстетике, пьесы, публицистика... В них слилось смешное и трагическое, большое и малое.

Первой книгой Василия Белова стал сборник стихов «Деревенька моя лесная» (1961). Тогда же была опубликована и его повесть «Бердяйка». Василий Белов, мало кому известный мастер, стал автором совершенно замечательной повести «Привычное дело», опубликованной в журнале «Север» (1966). Журнал издавался в Петрозаводске, а повесть немедленно приобрела самую широкую известность, и о ней тут же заговорили как о значительном литературном (и общественном!) явлении.

Пройдет время, и Василий Белов напишет еще немало замечательных произведений. Среди них – «Плотницкие рассказы», опубликованные в самом популярном тогда москов-

ская журнале «Новый мир»(1968), «Лад. Очерки о народной эстетике» (1979), «Кануны» (1972), роман «Все впереди» (1985).

Любимая тема Василия Белова – крестьянская. И здесь он выступает продолжателем традиций русской классики. Колоритные картины деревенского быта, яркая и причудливая речь; замечательные образы русских людей – удивительные портреты, сильные характеры; и такой знакомый мир родной природы: «Все было затоплено ярким вешним солнцем, река мерцала острыми золотыми звездами, над теплым, наполовину вспаханным полем дрожали прозрачные волнистые струи...» (рассказ «Поющие камни», 1973).

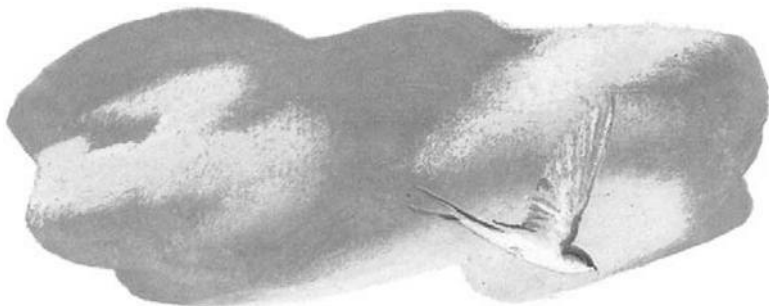
В наше время проза Василия Белова – как глоток родниковой воды. Она обновляет, дает силы и укрепляет дух. Она несет человеку очищение, помогает вернуть ему любовь и надежду, веру в самого себя и в людей вообще. Она разрешает прикоснуться ко всему живому, ощутить к нему близость, будит совесть и позволяет познать народную мудрость и чистоту.

Прочитайте рассказы и повесть, которые вошли в этот сборник. Непростому и запутанному взрослому миру автор противопоставляет детскую непосредственность, искренность и доверчивость. Героев его произведений отличают неравнодушие, открытость и чистота. И любовь. Любовь ко всему живому и близкому, большому и малому. И оказывается, что это любовь к родной земле, отчему дому.

Каникулы

Маленькая детская повесть

(Мечты. Где Хомутов? Бабка Клювиха.

В засаде. Побег.)

Если бы купить самолет либо попросить какого-нибудь летчика, чтобы залететь повыше и прыгнуть вон на то облако! Вот было бы мягко! Тут уж ногу не отшибешь: бухнулся бы как на подушку. А потом бы давай кувыркаться вниз, и опять бы лезть вверх, и опять бы вниз, но чтобы подальше от края. Деревня и лес были бы как на блюдечке. Можно бы набрать в карманы мелких камней и кидать сверху в коров. Только чтобы в глаз не попало. Ни одна бы не усвистала за

речку!

Или бы вырыть подземный ход. Сквозь всю гору под самой деревней. А после бы, когда останется чуть-чуть, прокопать маленькую круглую дырку и смотреть через нее. Тебя бы никто не видел, зато все поле как на ладошке. Стасик сегодня как раз пасет коров. И вот выскочить бы невзначай прямо у него под носом! Или бы собрать в одно место всех зверей, накормить до отвала, а после бы...

Раздался громкий стук. Это мать колотила в стену березовым коромыслом:

– Минька! Минька, бес, кому говорят, ступай домой. Самовар давно на столе.

Легко сказать, ступай! Минька сидел верхом на крыше, и, чтобы спуститься вниз, надо было пролезть в дыру на чердак. Потом пройти по длинной балке на большой высоте, затем пробраться на угол и уже по нему спускаться на безопасное место, цепляясь за щели и выступы. Хорошо, если не разорвешь о какой-нибудь гвоздь штаны либо не раскровенишь брюхо.

Пить чай нисколько не хотелось. Но все же пришлось лезть через все дыры и спускаться вниз. В избе Минька взял кусок пирога, испеченного с луком, и опять на улицу. Сегодня ни капусту полоть, ни доставать для нее воду из колодца. Надоела же эта капуста хуже горькой редьки! Каждый день поливаешь, а что толку? Не растет.

Минька решил посмотреть в колодец. Далеко внизу виделось отражение, вся голова была не более пяточка. Учитель Сергей Михайлович однажды рассказывал, что если глядеть из глубокого колодца, то даже в полдень можно увидеть звезды. Минька посмотрел на небо. Но какие же звезды в такую жару? Хотел было снова залезть на крышу, но он не любил делать два раза одно и то же.

Сказать по правде – скучно. Деревня такая маленькая, что в ней и всего-то десять домов. До соседней деревни два ки-

лометра, а до клуба и школы-интерната целых пять. В школе нынче сделали летний лагерь. Минька, Стасик и Хомутов перешли в шестой класс. Правда, Хомутов остался на осень по русскому, вот козел! За изложение он получил двойку, потому что не поставил трех запятых. А переносы, так эти совсем не умеет делать. Где он сейчас?

И Минька отправился искать Хомутова.

По деревне летел пух одуванчиков. Пели петухи, чирикали ласточки. Да, совсем маленькая деревня. Не успеешь оглянуться, как опять подошла очередь коров пасти. Колхозных-то пасет постоянный пастух. И вот Стасик, бедняга, пасет сегодня этих личных коров, а дома ли Хомутов, еще неизвестно. Но если и дома, то кто знает, отпустит ли его бабка.

С бабкой Ключихой у Миньки уже нынче летом произошли две неприятные истории. Одна из-за ихнего кота, другая из-за самой Ключихи. Конечно, в первый раз они с Хомутовым были виноваты, хотя тоже не очень. Они хотели помирить кота со Стасиковым Тузиком, для чего выпустили из клетки цыплят и посадили туда сначала Тузика, потом кота. Результатов никаких не было. Даже хуже. Кот вцепился Тузику в нос. Тузик прокусил у кота ухо. Поднялось такое побоище, что цыплятница заходила ходуном и перевернулась. Дверца раскрылась. Кот вылетел оттуда как чумной. Он до вечера шипел на людей, не то что Тузик. Бабка смазала кота коровьим маслом, чтобы скорей заживали больные места. Он облизал свою масленую морду и успокоился, зато бабка

ная бедничала Минькиной матери. Второй раз Клювиха напустилась на Миньку совсем уж ни с того ни с сего, только за то, что он просто зашел к Хомутову. Этот раз даже вспоминать неохота, до чего противно.

Минька приблизился к Хомутовскому огороду. В изгороди имелась щель между жердями. Он пролез в огород и залег в траве, как партизан. Запах травы кружил голову, кузнечики трезвонили слева и справа. Букашки и комары кусались, щекотались и ползали по босым ногам. Минька приподнялся в траве и осмотрел дом. Окно раскрыто – значит, Хомутов и бабка были на месте. Минька пополз ближе. Чтобы вызвать на улицу Хомутова, надо свистнуть либо тихонько бросить в раму шишкой от лопуха. Чего он там сидит, как тетёра?

Минька вытянул из травы шею. Вдруг его даже подкинуло: в спину, между лопатками, кто-то больно стукнул граблевищем.

– Нечистый дух! – Клювиха, которая стояла над ним, уже принаравливалась стукнуть еще. – Шельма, всю траву перемял!

Минька вскочил. Прямо через крапиву он бросился к изгороди, перемахнул ее, такую высокую, и не помнил, как оказался на околице за деревней.

«Хорошо еще, что не в голову», – подумал Минька насчет бабкиного граблевища.

Вызвать Хомутова стало совсем невозможно. Стасик пас коров, а Хомутов делает неизвестно что. И Минька решил

накопать червей, чтобы пойти с удой в лес на Гришин омут.

В деревне все еще ругалась бабка Ключиха, и Миньке стало жаль Хомутова. Где-то он сейчас? Наверно, послали за хлебом, либо сидит на лавке, а бабка ругает его или иголкой достает у него из ноги занозу.

*(Раздумья на оводах. Русалка. Как гнали
деготь. Новые планы и новые неприятности.)*

Каким ты был, таким остался,
Орел степно-о-о-й, казак лихой!

Шел Минька и орал во все горло. Еще махал удилищем.
Махнешь раз – воздух свистнет.

Махнешь два – удочка даже прогибается. С чего бы так?

Чибис поднялся с луга и давай пищать, давай над головой летать, как будто его грабят! Высоко висели белые облака, шумел за кустами Евлахин трактор. На этом голубом «Беларусе» возят молоко на завод с соседней фермы. Ох и жук этот Евлаха! Прошлой зимой пропил колхозный тулуп, а отец Стасика, бригадир, даже ничего не мог сделать. Ругал, ругал Евлаху, а что толку? Тулупа-то нет.

Зачем, зачем ты снова повстречался?
Но ты и дорог мне такой.

Минька почувствовал, что пропустил какие-то слова, но

решил не вспоминать и петь все сначала, чтобы слова вспомнились сами. Но тут ему стало не до песен. Дорога пошла по ольховым кустам, начиналось небольшое болотце. На Миньку сразу набросились крупные желтые оводы. Такой прокалывает как шилом кожу сразу до крови. И откуда их столько родится? Ведь ежели они питаются кровью, сколько для них надо этой крови? Ее и взять негде. Может, они лосей кусают? Или зайцев?

Минька сорвал сухую былинку и поймал самого жирного овода. Проткнул былинку сквозь полосатое брюхо и отпустил. Овод загудел, как вертолет, тяжело полетел прочь вместе с грузом. Долго его было видно в воздухе.

Вот и лес. Стало душно, к оводам присоединились мухи и комары. Дорога раздвоилась, но Минька знал, куда идти. Сколько раз ходил с матерью на покос до самой реки! Так ведь то с матерью...

Он пошел тише и осторожней, лес, он лес и есть. Высокие сосны шумели над головой. Солнце скрылось за облаком, ветер сильнее прошумел вокруг. Миньке стало невесело, и он начал вспоминать веселые случаи из своей жизни. Как назло, все они вылетели из головы!

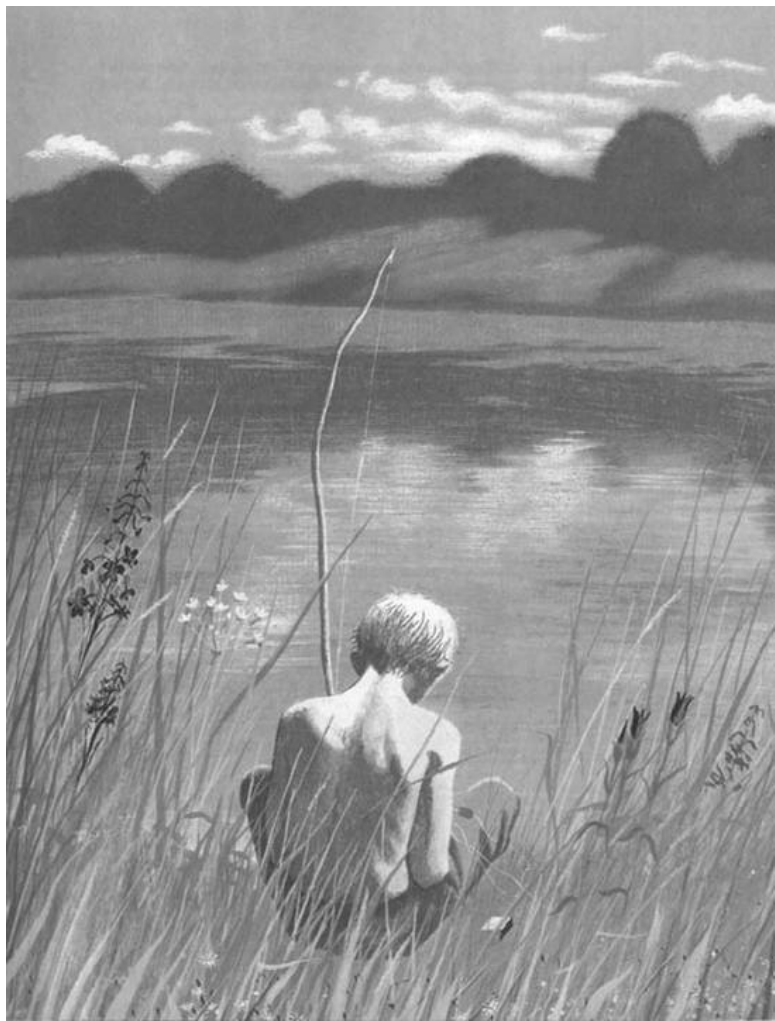
Минька положил уду. Потрогал в кармане спичечный коробок с червями и подтянул штаны. Огляделся. Где-то около вон той мохнатой елки скрывается вторая отворотка к реке. Потом должна быть моховая низинка. Дальше, на горке, будет большая березина с гнилым дуплом. А что за горушкой?

Минька смело пошел дальше. Ага, все правильно! Все было по-старому, только в болотце нынче меньше уродилось черники, да и береза с дуплом показалась почему-то не такой большой, как в прошлом году.

Дорога заросла малиной, крапивой и кустами крушины. Чтобы не заблудиться на обратном пути, Минька изредка заламывал ветки. Он вышел на прибрежную полянку, как раз к старому, давно не действующему дегтярному заводу. Ну какой это завод? Не завод, а обычный сарай с тесовой прогнившей крышей.

Минька, остерегаясь крапивы, обошел его кругом, потрогал незапертый замок на воротах и не стал заходить внутрь. Он спешил к речке: а вдруг клюет самая крупная рыба?

Речка синела рядом, за кустиками. Минька, не долго думая, размотал удочку. Нашел у омута сухое место, вытащил червяка и торопливо начал насаживать. Червяк оказался такой толстый, изворотливый, что Минька еле с ним справился. Нет ничего противнее насаживать червяка на крючок! Минька установил запуск, поплевал на червяка и забросил. Но поплавок не вставал на попа. Запуск, что ли, велик? Или на корягу закинул. Минька сделал запуск поменьше, закинул и стал ждать.

На другом берегу, совсем рядом, закуковала кукушка. Комары кусались теперь редко, но уж больно чесалась от них кожа. А поплавок словно уснул. Течением то и дело его сносило, Минька перекидывал удочку и от нечего делать начал дремать.

Говорили, что в этом месте давно когда-то утонул хозяин дегтярного завода, немой Григорий. Он будто бы ночью ловил тут рыбу, и его утянула на дно голубая русалка. Будто бы его искали три дня, а когда вытащили из воды, то в волосах нашли маленький золотой гребешок. Немого Григория и похоронили около этого омута. «Все, наверно, врут!» – подумал Минька и съежился.

Позади как будто послышался шорох. Кто-то двигался ближе и ближе. Минька замер, мураши побежали по его спине. Вдруг сзади кто-то глубоко и сильно вздохнул. «Фу, зараза, – выругался Минька. – Вот морда-то!» Краснопестрая Клювихина корова стояла в пяти шагах и большими круглыми глазами глядела на Миньку.

– Кыш! Чего надо?

У него отлегло от сердца. Стало опять спокойно, как будто ты не в лесу, а в деревне. Корова шумно принялась за траву. Она мотала головой и хвостом, держа оборону от комаров, мух, оводов. Другие коровы тоже бродили по лесу.

– Стасик! – закричал Минька, наставляя ладони рупором. – Ста-а-сик!

Минька прислушался. Только лес шумел да глухо звякали

коровьи колокола. «Эх, будет ему теперь взбучка! — подумалось Миньке. — Прозевал коров-то. А если медведь?»»

Подумав про медведя, Минька начал сматывать удочку. Куда бежать, если медведь выскочит? Минька читал в одном рассказе, что надо лечь на землю и притвориться мертвым, он понюхает и уйдет. Минька представил, как медведь его нюхает, и побежал к дегтярному заводу. Он и сам не заметил, как побежал, даже удочку оставил у омута. Очнулся у ворот и перевел дух.

Замок совсем заржавел. Минька еле вытащил его из пробоев. Толкнул дверь и забыл про медведя, в лицо пахло холодом и запахом плесени.

Сарай, где гнали когда-то деготь, был черный от сажи, углы затянуло паутиной. Большая печь с тремя топками осела набок. Вдоль каждой топки имелась еще круглая глиняная труба. Минька знал, что эти большие длинные трубы назывались кубами. В них плотно закладывалась береста, затем конец трубы закрывался круглой крышкой, и щели наглухо замазывались глиной. Внизу, в топках, разводили огонь. Береста в кубах нагревалась, из нее тек деготь. Минька залез в темноту позади этой большой печи и обнаружил железные трубки, которые выходили из кубов. Все три трубки были вставлены в одну большую, уже в деревянную. По ней-то деготь и стекал в черную бочку, врытую в землю. В бочке ничего не было, кроме всякого хлама.

Маленькое оконышко, сделанное в стене, совсем не све-

тило. Минька сходил на улицу, нарвал травы и протер стекло. В сарае сразу стало светлее. Минька увидел большие веревочные весы, привязанные к балке, две железные гири и круглые камни. Он долго не мог понять, для чего нужны эти камни. Догадался: железных гирь не хватало, вот и использовали вместо гирь камни. Он потрогал одну гирю – она даже не шевельнулась. «Ничего себе! – Минька подошел с другой стороны. – Сколько же весу в ней?»

Но в углу лежала большая куча бересты. Тяжелые толстые пластушины были сложены плотной стопой. Дедушка Селя, который был последним дегтярем, видимо, не успел выгнать из них деготь, завод закрыли, а сам он ослеп на один глаз. Минька тоже прищурил один глаз и оглядел остальные места. В том конце виднелись деревянные нары, что-то вроде кровати. А чуть поближе имелся стол и стояла тренога. На деревянном штыре висел какой-то балахон, на полу валялось много дров, да на полках Минька обнаружил коптилку, пустой котелок, четыре погнутых железных гвоздя и рваное решето.

Завод был совершенно заброшен.

«Вот бы здесь переночевать... – подумал Минька и пошел проверять дверной крючок. – Только хлеба с собой нету...» И Минька вспомнил, что ему давно уже хочется есть.

*(Встреча. Лесной дом. Уборка.
Опять проштрафились!)*

Стасик искал своих коров по всему лесу, и слезы текли у него по щекам. Он в отчаянии бежал по дорожке, то и дело останавливался, чтобы послушать. Но нигде не было слышно колоколов.

Лес затихал под вечер.

Стасик, не помня себя, опять побежал. Запнулся, упал и больно ушибся о корневище. Он уже хотел зареветь, как вдруг увидел на тропке Миньку.

– Минька!

– Стасик!

– Беги сюда, чего-то скажу! – заорал Минька.

Стасик бегом бросился к другу.

– Ты чего своих коров распустил? – строго спросил Минька. – Бродят где попало.

– Они сами, – виновато сказал Стасик. – А ты, Миня, удить ходил?

– Никто не клюет. – Минька пришлепнул на щеке сразу трех комаров. – Пойдем завод поглядим.

– Пойдем! – обрадовался Стасик. – А я тебе гнездо потом

покажу. Я гнездо нашел в поле. Только старое... Не живут.

Минька снова открыл ворота дегтярного завода. Он решил взвесить Стасика на старых весах, но из этого ничего не вышло. Они вместе с трудом закатили на весы большую железную гирю. Она оказалась тяжелей Стасика.

– Давай хоть печку затопим, – предложил Минька, но из этого тоже ничего не вышло. Спичек не оказалось.

– Надо бы увеличительное стекло взять, – сказал Стасик.

Ребята наломали по большому березовому венику, сложили дрова и начали подметать земляной пол. Подняли столько пыли, что Минька чихнул. Стасик тоже хотел чихнуть, но у него почему-то не стало чихаться. Минька сбегал с котелком на омут, принес воды для мытья мебели. Заодно прихватил и оставленную там удочку. Доски стола и тренога были все изрезаны и покрыты буквами. «ЕВМ», – прочитал Стасик и догадался:

– Евлаха! Это он навыврезывал.

– Гляди, гляди, и на дверях!

На дверях тоже красовалась фамилия тракториста.

– Двери открой! – приказал Минька. – Чтобы светлей и чтобы изба сохла. А рубахи снимем. Вон тут сколько сажи!

Минька и Стасик скинули рубашки и майки, снова принялись за работу. Обмели со стен паутину, вымыли стол и треногу. По очереди несколько раз бегали за водой на омут.

– Всё! – сказал наконец Минька и сел на треногу.

Он положил ногу на ногу. Стасик уселся за стол на ска-

мейке, тоже нога на ногу. Оба были очень довольны и сидели как дома.

И правда, в сарае стало чище и даже как-то уютнее.

– Только есть очень хочется, – уныло сказал Стасик.

Минька встал. Он полез за печь, в темноту, и долго там пыхтел, что-то соображая.

– Знаешь что... – Минька вылез на свет. – Никому не скажешь?

– Не-е!

– Побожись!

Стасик набрал побольше воздуха, выпучил глаза и быстро проговорил:

– На поле-поляне, на высоком кургане огонь пышет, никто не слышит, слово-олово, честное пионерское, шилды-ковылды, пачики, мясные колачики, до неба пылает, никто не узнает!

– Сделаем тут наш дом! – тихо произнес Минька и оглянулся.

– Топор принесем, – шепотом сказал Стасик.

– Соли и спичек.

– Соль-лизунец в поле.

– А Хомутова возьмем?

– Возьмем. Только пусть побожится, что никому не скажет.

Ребята замолчали.

– Минь... – проговорил Стасик. – А ночевать? Тоже тут?

Минька ничего не ответил. Он думал, старательно наморщив лоб. Солнце садилось. Оно било теперь прямо в раскрытые двери, освещая черную заднюю стену.

– Минь... – Стасик вдруг побелел. – А коровы-то...

– Ну и что? – сказал Минька, но про себя подумал: «Теперь обоим беда. Попадет. Наверное, уже взбучку назначили».

– Сразу тебе и реветь.

– Да... – хныкал Стасик. – Тебе что, коров-то не ты... Я пастух-то...

– Бежим! Только ворота запрем.

Они закрыли ворота, воткнули в пробой замок и побежали через лес что было сил.

– Стой, Стасик, не туда. – Минька остановился. Оба перевели дух.

– Туда, Миня, туда.

Оба прислушались, но коров нигде не было.

– Эта дорога домой?

– И эта домой.

– Значит, обе туда.

Солнышко село, стало прохладно. Комары закусались еще сильнее. Мальчики уже не могли бежать, когда впереди показалось поле и крыши домов. Около огородов оба пригнулись и начали тихо подбираться к деревне. Последние метры ползли по-пластунски: Минька впереди, Стасик сзади. Наконец они притихли в траве за старым колодцем.

Посреди деревни шумела Хомутовская бабка. Коров нигде не было, наверно, их уже загнали по дворам.

Ох и ругалась же эта Клювиха! Она стояла на середине улицы и махала руками, как ворона. Потому что коровы-то остались голодные. По словам бабки, выходило, что они, подняв свои хвосты, чуть ли не до обеда присвистали в деревню. Потом забились в заброшенную конюшню и все до одной простояли до вечера, остались не евши. И вот Клювиха честила Стасика почем зря, а заодно и бригадира. Потому что Стасик был сын бригадира.

– Пять ведь классов окончил! Пять! – кричала бабка про Стасика. – В пионеры записан. Весь день простояли коровушки. Много ли надоят после такой пастьбы?

– Стой, не вылазь! – прошептал Минька, дергая Стасика за рукав.

Они лежали в траве, слушали. Вскоре подошли мать Стасика, соседка Лиля и мать Миньки. Они тоже начали обсуждать происшествие.

– Он где сам-то?

– Нету!

– И моего нету, – сказала мать Миньки.

Миньке и Стасику стало вдруг до слез жалко самих себя. Есть обоим хотелось так, что даже голова кружилась.

– Минь, давай выбежим, – шепнул Стасик, но Минька опять дернул его за рубаху.

Подъехал на «Беларуси» Евлаха, вылез из кабины и то-

же давай говорить о коровах. Только из-за шума трактора никого не стало слышно, даже Клювиху. А когда подошел еще и отец Стасика, то есть бригадир, Стасик не выдержал. Он вскочил и у всех на глазах что есть духу побежал домой. Миньке после этого тоже ничего не оставалось делать. Не слушая, что кричит Клювиха, он тоже припустил к своему дому...

Он схватил в кухне ломоть пирога, залез на печь и притаился. Мимоходом смолол этот пирог и стал ждать. Ждал, ждал, что будет дальше, и уснул. Совсем получилось нечаянно, даже сам не ожидал этого.

(Сон. Катька дразнится.

Судьба Хомутова. Опять капуста! На реке.)

Миньке снилась солнечная речка и дегтярный завод. Минька удил рыбу прямиком с крыши завода. Он вытащил окуня, хотел показать Стасику, но пришла бабка Клювиха, чтобы настегать обоих то ли вицей, то ли крапивой. Минька забрался на крышу и почему-то оказался уже не в лесу, а в деревне. Он взмахнул руками и полетел над полем. Ах, как приятно, как хорошо лететь над полем! Потом ему снились коровы и луг, а на лугу ходил учитель по труду и природоведению Сергей Михайлович. Он поставил в траве колышек и сказал: «Тут будет пионерлагерь». Минька только хотел забить свой колышек, как вдруг проснулся. Даже зло взяло, что не успел.

Он слез с печки и обрадовался: вчерашнее приключение кончилось благополучно. Мать ушла на ферму в соседнюю деревню. На столе стояла жареная картошка и стакан молока. Солнце светило в окна ярко и жарко. Минька вычистил

зубы, помылся у рукомойника, быстро позавтракал и побежал к Стасику.

Такой был солнечный и прекрасный день! Ни оводов, ни мух, потому что дул ветер. Коров пасли сегодня другие, речка синела под горой как новенькая. Иди куда хочешь, только бы отыскать Стасика.

У Миньки даже дух захватило от всего этого. Он вспомнил, как летал во сне, и побежал к Стасикову дому так, что рубаха сзади надулась от ветра.

Стоп! Остановка.

У крыльца на одной ноге прыгала Катька, сестра Стасика. Она прыгала и пела дразнилку:

Стася-каряся,
Нога оторвалась;
Пошел косить,
Нога висит.

Катька была старше своего брата. Она заболела однажды простудой и год пропустила. Поэтому в пятом классе она училась вместе с Минькой и Стасиком.

Стася-каряся,
Нога оторвалась.

Минька подошел ближе и спросил:
– Ты чего дразнишься?

- А тебе какое дело?
- Позови Стасика.
- А вот и не позову, вот и не позову.

Стася-карася,
Нога оторвалась...

- У самой-то оторвалась. Где Стасик?
- Нигде, вот.

Тут Катька рассердила Миньку еще больше: она показала ему толстый красный язык.

- Рыжая! – не вытерпел он.

Катька уже думала, чем ответить Миньке, но быстро у нее ничего не придумалось, а тут-то как раз и появился Стасик.

Оба направились за амбары, подальше от Катьки.

- Ну? Была у тебя взбучка? – спросил Минька.

– Не-е!

- А про дом? Никому не сказал?

Стасик помотал головой и произнес:

- Только папке.

– Козел!

- Я ведь немножко... сказал-то...

– Немножко! И немножко не надо было. – Минька стал думать. – Знаешь чего?

- Чего?..

Катька высунулась из-за угла. Она хотела подслушать, что

говорили мальчики. Минька отвернулся.

Наконец-то она убежала!

Минька задумчиво наблюдал за облаками. Они медленно двигались по синему небу. В траве гудели шмели.

– Пойдем на завод?

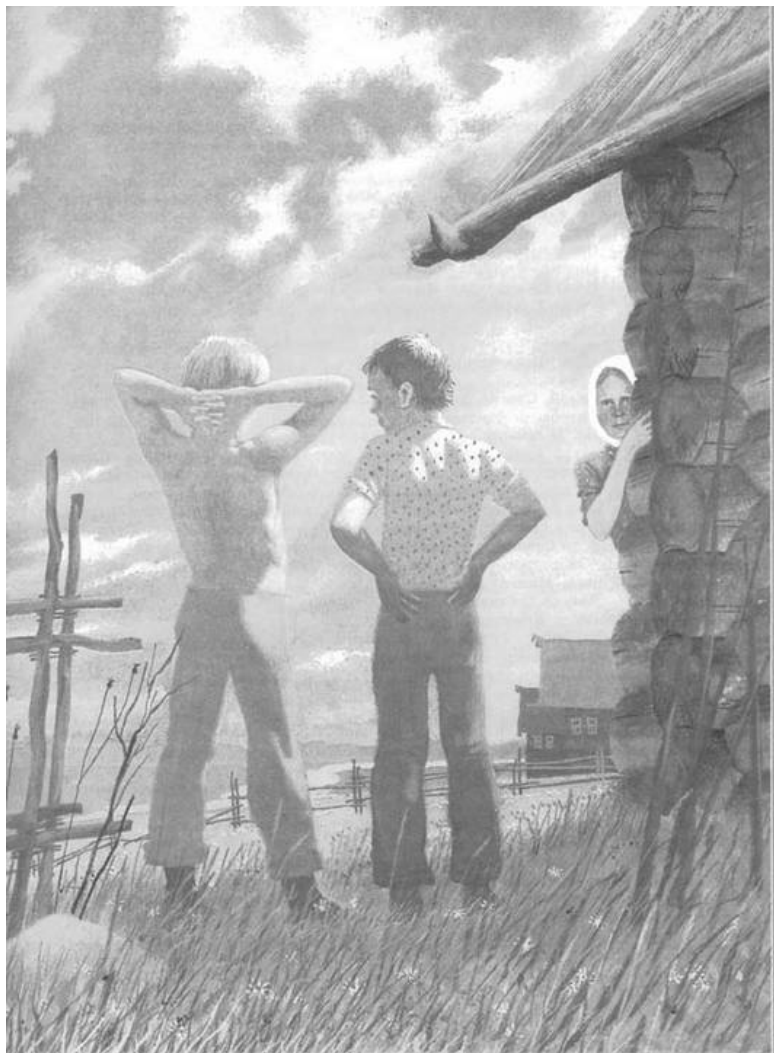
– Ура! – закричал Стасик.

– Тише! Вон опять высунулась. Катька, ты русские слова понимаешь?

Катька запела «Стасю-карасю» и убежала опять.

– Побожись, что реветь не будешь, – сказал Минька.

Стасик побожился, но вдруг вздохнул:

– Искать будут...

– Не будут. Пусть думают, что мы в пионерлагере. Помнишь, Сергей Михайлович при ходил? Чай пил у Лилиной матери.

– Ну?

– Пусть он за нами приходил. Записывать на вторую смену.

– Ух, Миня! А обедать как?

– Ухи наудим.

– Хлеба с собой возьмем.

– А картошки? Вон сколько осталось в яме! Наберем рюкзак – и айда.

– Давай еще Хомутова, – предложил Стасик.

– Давай.

Пошли к Хомутову.

У Миньки хоть был отец, он жил в леспромхозе и присылал деньги. У Хомутова и такого не было. Да и мать Хомутова жила где-то далеко-далеко и сюда не ездила. Его с грудного возраста воспитывала бабка Ключиха. Как привезли маленького, так больше и не увозили. Теперь Хомутов вырос, и бабка его часто ругала. За что? Она, может, и сама не знала. Правда, учился-то Хомутов неважно, его даже оставили на осень по русскому. Тут, конечно, он сам виноват. Но разве бабка за это его ругала?

Сегодня она опять не дала Хомутову поспать. Разбудила

и велела полоть капусту. Хомутов поел простокваши, потом ему пришлось идти в огород. Бабка уже тут. Она надела на руку тонкую рукавицу и так полола капусту. Хомутов не захотел летом в рукавице, поэтому сразу обжегся крапивой.

Грядка была длиннющая. Стало жарко, и Хомутову захотелось купаться, еще больше хотелось ему к Миньке и Стасику.

– Баб, пусти купаться, – канючил он.

– Дело сделай да и бежи, – спокойно сказала бабка.

«Такую грядку и до вечера не прополешь», – подумалось Хомутову.

Он опять начал дергать сорную траву и бросать ее в борозду. Комочек сухой земли упал прямо под нос. Хомутов оглянулся. Минька и Стасик выглядывали из-за огорода и делали ему знаки.

– Опять вы, бусурманы? – сразу закричала Клювиха. – Сейчас уши-то надеру.

– Давай поможем, она его и отпустит, – шепнул Минька Стасику.

– Мы, бабушка, тоже будем! – крикнул Стасик.

Клювиха разогнула горбатую спину. Она не ожидала такого оборота.

– Ладно уж... Я и сама выполняю. Пусть бежит.

– Нет, мы сделаем! – Минька уже перелезал огород.

– Только рассаду-то не выдергивайте, – сказала бабка.

Она была очень довольна.

Минька разделил Хомутовскую грядку на три равные части и начал полоть с одного конца. Стасик и Хомутов – с другого. Они пололи капусту больше часа, наконец последняя Крапивина полетела в борозду! Ровные капустные рядки зеленели на черной свежей земле. Бабка поглядела работу и похвалила:

– Вот добро. Экие молодцы! Ну, бегите, бегите...

Минька, Стасик и Хомутов припустили к речке.

Хомутов уже начал на ходу снимать штаны, но Минька остановился и сказал:

– Знаешь чего?

Хомутов ничего не знал.

– Пойдешь с нами жить? – спросил Минька, но Хомутов молчал, насупившись. Он вообще не любил говорить.

– Куда?

– В лес. На дегтярный завод.

– Ну пойду, – сказал Хомутов.

– Побожись, что никому не скажешь!

– На поле-поляне, на высоком кургане огонь пышет, никто не слышит, слово-олово, честное пионерское, шилды-ковылды, пачики, мясные колачики...

Хомутов сбился, и Минька велел ему проговорить эту клятву еще раз. Только после этого все трое опять побежали к реке.

*(Почему приходится врать? Первые
неожиданности. Новоселье.)*

Прежде чем прыгать в воду, Минька достал из кармана самописку и листок в клеточку. Положил листок на гладкий камень и начал записывать:

– Один топор. Уду.

– Ножик, – подсказал Стасик.

– Ножик, – записал Минька. – Картошка. Еще чего? Хлеба надо или пирогов. Стасик, у тебя рюкзак есть?

– Есть.

– Я свой возьму да ты свой. В один накладем картошки. А ты, Хомутов, чего возьмешь?

– Сумку.

– Давай, Стасик, неси рюкзак! Картошку сразу наложим. Только смотри, чтобы не увидели.

– Не. Я сейчас...

Стасик в одних трусах убежал домой. Минька и Хомутов отправились к ямам, где хранилась картошка. Ямы были сделаны на высоком пригорке, как раз у речки, стояли подряд. Минька нашел свою. Дверца сруба была не закрыта, ребята прошмыгнули в нее. Минька открыл люк и заглянул в темно-

ту. Оттуда тянуло холодом, пахло землей. Прибежал с рюкзаком Стасик, и Минька по лесенке сразу же спустился в темный погреб. Он вздрогнул. Что-то холодное, живое и скользкое коснулось босой ноги. Минька отскочил:

– Лягуха противная!.. Давай рюкзак!

Стасик и Хомутов опустились в люк.

– Выбирай... которая не гнилая.

– Минь, а это чего? – испугался Стасик.

– Гнилушки горят.

– У-у! Красиво. А чего они горят?

– Не знаю.

Горело чуть ли не целое бревно. Просто полыхало бесшумным изумрудным огнем. Попробовали отколупнуть – не получилось.

– Ладно, придем после, – сказал Минька.

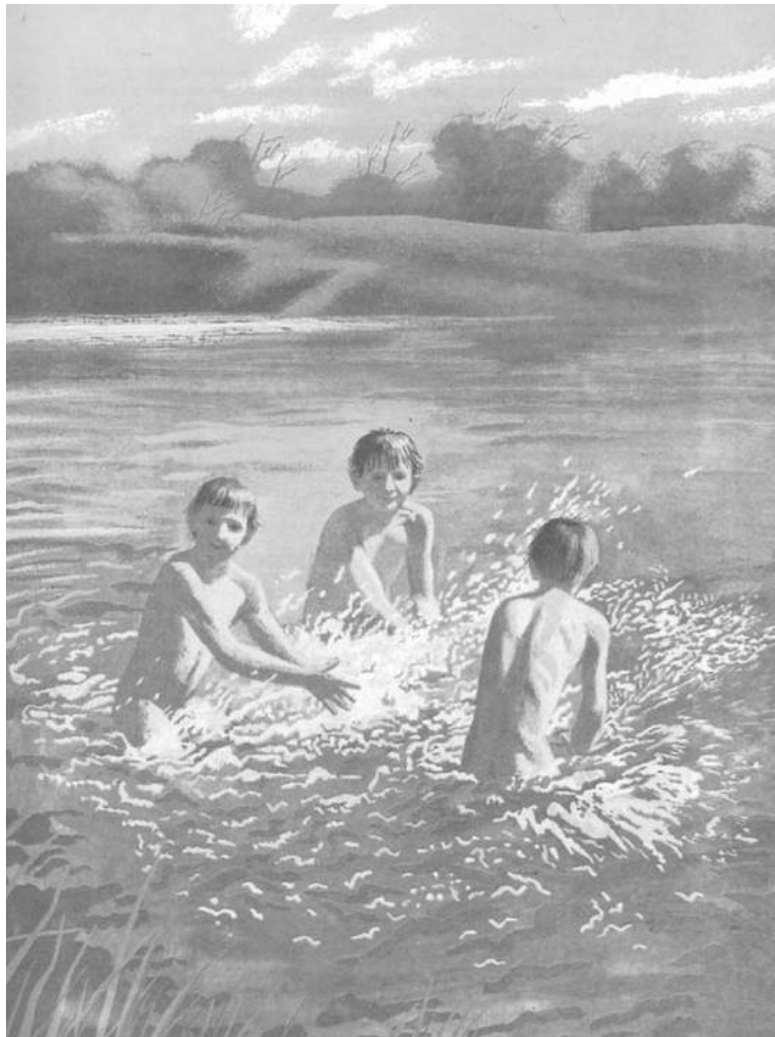
Втроем они быстро набрали рюкзак картошки. Выволокли вверх.

– Минь, а как? – забеспокоился Стасик. – Увидят ведь...

– Не увидят. Мы по одному, в поле. Проползем вдоль огорода, а после соберемся. У отворота, в кустах.

Только теперь Минька разрешил выкупаться.

Вода была не очень-то теплая. Особенно сначала. Минька нырнул и долго с открытыми глазами шел под водой. Солнце столбами пробиралось в речную глубь, в воде стебли лилий и другие водоросли казались очень толстыми.

– Уфф! – Минька вынырнул. – Где вы? Стасик и Хомутов толкались в воде, стараясь спихнуть друг дружку в глубокое место.

– Вылезай! – приказал Минька. – Солнышко вон уж как поднялось.

Солнышко и впрямь воротило ближе к обеду, а тут у Хомутова набралось полное ухо воды. Минька и Стасик велели ему лечь на траву, взяли за ноги, приподняли и потрясли.

– Вылилась?

Хомутов молчал. Ему нельзя было говорить, так как он висел вниз головой. Но как только он встал на ноги, вода из уха вылилась.

– Теперь всё.

Но у Стасика в ухе тоже оказалась вода. Пришлось трясти и этого.

– Не надо было ухи-то раскрывать! – рассердился Минька.

Наконец все были одеты. Распределили, кому что принести, и назначили общий сбор в поле, за большим камнем. Минька строго-настрого наказал, чтобы не опаздывали и на глаза никому не показывались. Он потащил рюкзак с картошкой домой. Он никак не рассчитывал, что мать как раз окажется дома!

Увидев его с рюкзаком, она даже расцвела вся:

– Ой, Миня, молодец-то какой! У нас картошка-то как раз кончилась. Это чей мешок у тебя? Где взял?

Минька нехотя объяснил, что взял рюкзак у Стасика. А дальше опять приходилось врать. Больше всего в жизни Минька не любил врать, но что было делать?

А мать взяла у него рюкзак и сказала:

– Давай я картошку-то высыплю в большую корзину, а мешок ты унеси, отдай, у кого взял. Вдруг понадобится.

– Ладно, – буркнул в сердцах Минька.

Мать высыпала из рюкзака все содержимое.

«Эх, плакала наша картошечка, – подумал Минька. – Хоть бы не всю высыпала».

Мать показала, где и что лежит из еды. Потом взяла грабли и ушла в огород шевелить сено.

Минька отрезал от буханки половину и поглядел на корзину с картохой.

«Штук десять можно, – подумал он, – а то и двадцать. Нет, лучше двадцать одну, по семь штук на каждого».

Он отсчитал двадцать одну картофелину и положил в рюкзак. Даже лучше! А то не хватило бы места хлебу. Он прихватил еще и свой пустой рюкзак, чтобы Стасик положил в него маленький топорик, пирог и лук.

Все было готово. Теперь бы незаметно пробраться в поле к большому камню. Стасик и Хомутов, может, уже ждут, а Минька не любил быть последним. Только бы Катька не увидела.

На улице – ни души. Один петух разгуливал по траве. Минька сиганул через канаву в поле. «Вперед, вперед, шагай

смелее!» – про себя, мысленно, повторял он, хотя то и дело приходилось не шагать, а ползти по траве.

Он устал и вспотел. Добрался до камня, замаскировался в траве и вдруг увидел Хомутова и Стасика.

Оба спокойно во весь рост вышагивали по дороге и разговаривали громкими голосами. Один тащил топор и два пучка луку, другой сумку. Давно забыли общий уговор, идут на виду у всей деревни – и хоть бы что. Минька громко зашептал: «Ложись!» Не слышат. Вот барбосы! Верь им после этого...

– Вы чего такие чин-чинистые? – вскочил Минька. – Уговор-то где?

– Мы ничего, – сказал Стасик и остановился.

Хомутов тоже остановился и сказал:

– Мы ничего.

– Эх вы...

Минька так рассердился, что не спросил даже, что у Хомутова в сумке. Молча положили Стасикову поклажу и пошли. Все трое только пыхтели. Оводы налетали на них, кусались и лезли во все места. Даже в карманы.

«Это еще что, – подумал Минька, когда обида прошла. – А каково коровам сейчас? И мерину. У них ни штанов, ни рубах, кусай сколько хочешь. – Он вспомнил, как бабка Ключиха мазала свою корову дегтем, чтобы оводы меньше кусались. – Вот возьмем и нагоним дегтю, – думал Минька. – Помажем коров и мерина, сразу им станет легче».

Все сразу вспотели: в лесу было жарко, безветренно.

Не доходя до завода метров двадцать, Минька поднял палец. Ребята затаили дыхание. Кто-то рассмеялся у речки на берегу. Или слышалось? Минька знаками велел Стасику и Хомутову залечь в траву за кустами. Сам начал подкрадываться к берегу. Он осторожно раздвинул кусты и даже глаза выпучил от удивления.

На берегу стоял и крутил спиннинг учитель по труду Сергей Михайлович. Рядом на камне сидела и почему-то смеялась Лиля.

Что было делать? Сергей Михайлович крутил катушку спиннинга. Минька видел, как он выволок из омута целый пучок водорослей. Лиля опять рассмеялась.

«Чего они тут? – подумал Минька. – Наверно, рыбу пришли ловить».

Минька просто не знал, что делать. Но тут Сергей Михайлович сложил спиннинг. Он взял из травы Лилины босоножки и подал ей. Оба пошли. Вышли они на тропку, и у Миньки захолонуло под ложечкой. Шли-то они как раз туда, где лежали в траве Стасик и Хомутов!

Минька так и съежился. Все! Нет, прошли, ни одного не заметили. Минька подождал, пока они не ушли еще дальше, и подскочил к друзьям:

– Видели?

– Не-е, – шепотом сказал Стасик. – Я думал, медведь.

Хомутов молчал.

– А кто это был? – спросил Стасик. – Может, лоси?

– Ладно, пошли, – сказал Минька и добавил: – На обед.

Когда открыли двери, разложили еду и все трое расселись за столом, Минька спросил Стасика:

– Стасик, а Лиля – невеста?

– Не-е! Лилия – газетница. Она почту носит.

– Знаю, что носит, – рассердился Минька и вытащил из кармана складной ножик.

Хомутов открыл свою сумку. Когда бабка узнала, что он идет в лагерь, она наложила ему целую кучу пирогов.

Минька сказал:

– Поедим сначала немного. А вечером пировать.

– Ура! – закричал Стасик.

– Только надо приготовить, где спать.

– И воды принести.

– Дров наломать.

– Еще рыбы на суп! – сказал наконец и Хомутов, который все время молчал.

– На уху. Суп – это когда мясо.

– Еще грибов наискать!

– Печь истопить, – добавил Стасик.

– А где туалет будет? – спросил Хомутов.

И закипела у них работа...

*(Катины заботы. Где же
Стасик? Вечерние разговоры.)*

Не зря Минька ее боялся! Она еще утром подсмотрела сначала Стасика, потом Хомутова. Когда Стасик взял у отца из сарайки маленький топорик, а из шкафа увеличительное стекло от изломанного проекционного фонаря, ей совсем стало невмоготу.

Куда они собирались?

Катька спряталась за крапиву и увидела, как Хомутов тоже убежал в поле. У него в руке была какая-то сумка.

«Это они картошку печь, – сразу догадалась она. – Только чего в сумку-то так много наложено?»

После обеда Катька попрыгала на одной ноге, поиграла в куклы, и тут ей опять стало очень скучно. «Пойду, пойду по дорожке и найду! – решила она. – Вот, все равно узнаю, чего они делают».

И Катька пошла. В поле было весело. А вот в лесу стало страшновато. Лес шумел. Со всех сторон Катьке слышались какие-то звуки и шорохи. Она чуть не плакала. Но все шла и шла. Сосны шумели. Какая-то большая птица так ее напугала, что Катька даже зажмурилась. Девочка старалась

не думать про медведя, но чем больше старалась не думать, тем больше думалось. Дорога становилась все хуже. Все чаще попадались на пути коряги и лужи. Потом дорога вовсе куда-то пропала. Катьке стало страшно, везде была чащоба, лес зашумел еще сильнее. Вдруг она услышала хруст веток и увидела Лилю. Позади шел Сергей Михайлович.

– Катя! – удивилась Лилия. – Ты как тут оказалась?

– Смотри заблудишься, – сказал Сергей Михайлович, подходя ближе. – По ягоды, что ли?

– По ягоды... – несмело сказала девочка. Она так обрадовалась, что забыла, куда и зачем ходила.

– Пойдем-ка обратно. – Лилия взяла Катю за руку. – Больно далеко забрела.

В поле Сергей Михайлович почему-то остановился и сел на траву.

Тут очень захотелось пить, и Катю поглядела на Лилию.

– Ну беги, беги, – сказала Лилия. – Только в лес одна не ходи.

Деревня была видна, и Катю побежала домой. Дома она выпила чуть не целый ковшик воды и опять захотела в лес, но вспомнила, что очень устала. Да и ноги чесались от лесной крапивы. Она взяла из шкафа чашку сметаны и помазала. Заодно полизала немножко. Ноги прошли. Тут Катю вдруг захотелось конфет. Конфеты лежали в другом шкафу. Она поставила стул, достала одну подушечку и выскочила на крыльцо.

Небо синело над крышами. В поле кричали галки, а на изгороди сидел воробей. Он держал в клюве какие-то перышки, которые торчали в обе стороны. От этого воробей был похож на кота, только маленький.

Так незаметно прошел весь день, Катька очень устала. Она прилегла за шкафом, чтобы ждать мать либо отца. Ждала, ждала и незаметно закрыла глаза. Когда пришли взрослые, ей почему-то не захотелось вставать. Катька слышала, как мама ставила самовар и доставала из шкафа чайную посуду, как разговаривала.

– А где наша Катерина? – спросил папа, когда вымыл у рукомойника руки.

– Уснула, – сказала мама, – давай не будем будить. Пусть спит.

«Ничего я не сплю! – сказала Катька сама себе. – Я просто так лежу». Тут она решила еще разок посмотреть воробья с перышками во рту. Она вышла на крыльцо, а на крыльце оказалось не крыльцо, а большая лестница, а внизу текла речка, и Катька полетела над этой речкой.

Ах, как хорошо было лететь над этой речкой! Она летела дальше и дальше, но в то же время слышала, что говорили взрослые. Папа спросил у мамы, почему нет дома Стасика, а мама сказала, что видела Клювиху. Клювиха говорила ей, что отправила Хомутова в пионерлагерь, что приходил учитель и всех троих, в том числе Стасика и Миньку, он увел в школу, где размещался летний пионерлагерь.

«Неправда, неправда!» – закричала Катька, но голос у нее был такой тихий, как у комара. Ни папа, ни мама, ни мать Миньки, которая пришла искать Миньку, ничего не расслышали. Они продолжали разговаривать, но их голоса тоже становились все тише и все непонятнее.

Теперь Катька даже не летела и ничего не думала – так крепко она уснула за шкафом на деревянной кровати.

(Первый список. Без костра. Комариная ночь.)

Тем временем в лесу, на дегтярном заводе, Минька, Стасик и Хомутов тоже устали, да так, что решили сегодня не пировать. Уже садилось солнышко. Вернее, оно закатилось за сосны. Начали кусаться первые противные комары.

Минька объявил перерыв. Он огляделся вокруг, чтобы посмотреть, что сделано.

– Стасик, где у тебя тетрадка?

– В мешке.

– А ручка?

Стасик достал тетрадку, авторучку и стал ждать.

– Записывай, – сказал Минька, – мы с Хомутовым будем тебе диктовать. «Пришли». Число какое?

Все забыли, какое число, ни один не мог вспомнить.

– Ладно, поставим после. «Пришли». Записал?

– Записал, – сказал Стасик.

– Теперь пусть Хомутов говорит.

– Поели, – сказал Хомутов.

– Принесли воды, – сказал Стасик.

– Дров.

– Удили рыбу.

– Сделали два веника.

– Подмели в избе.

– Разорвали штаны.

– Стой! – Минька остановил Стасика. – Про штаны в другой список.

– В какой?

– В особый. Что еще забыли?

– Не пировали и уху не варили, – тихо сказал Стасик.

Он вздохнул и закрыл тетрадку. Минька вдруг вскочил и посмотрел на небо. Солнышко еще пробивалось сквозь ветки деревьев.

– Эх! А костер-то? Неси скорее увеличительное!

Стасик бегом принес лупу. Минька уже держал наготове сухую берестинку. Увы, солнышка в том месте, где хотели разжечь огонь, уже не было.

– Бежим! Забирай дрова, и бежим! – Минька бросился на дальний конец поляны.

Там еще светило солнышко. Он быстро навел на бересту фокус. На маленькое светлое пятнышко спокойно уселась какая-то жужелица.

– Зараза! – выругался Минька. – Ей почему не жарко?

Жужелицу прогнали и стали ждать. Но чем больше ждали, тем ниже садилось солнышко. Береста не загоралась. Она даже не задымилась.

Минька в сердцах бросил ее в сторону.

– Всё. Опоздали. Солнышко еле теплое. Совсем потухло.

– Теперь придется до завтра ждать, – сказал Стасик. – Эх мы, дураки! Надо было и спичек взять.

– Рыбы-то все равно нет на уху, – сказал Хомутов.

– Пошли, – приказал Минька.

– Куда?

– Поедим пирога – и спать.

Все трое еле брели от усталости. Солнце село. От реки начал подниматься туман. Стало прохладно. Комары налетели на мальчишек целой тучей. Ребята плотно закрыли дверь и заперлись на крючок. В сарае стало темно. Сели на нары. На нарах лежало прошлогоднее сено, натасканное от колхозного стога. Сено кусалось, комары тоже. Они, эти комары, проникали, наверное, в дверные и оконные щели.

Когда Стасик съел свою порцию, то спросил:

– Можно добавки?

– И мне, – сказал Хомутов.

Миньке тоже хотелось есть, и они разделили на троих еще один бабкин пирог.

– Минь, а правда, что раньше русалки жили в реке? – спросил Стасик.

Минька не ответил. Он думал. Глаза у него закрывались от усталости, но он все равно думал. Вот что он думал: «Мы сидим в крепости. Три путешественника засели в крепости и ждут утра, а кругом непроходимый лес. Везде рыскают дикие звери. Одному кому-нибудь надо дежурить и охранять крепость».

В лесу громко закричала какая-то птица. Все трое вздрогнули.

– Минь, а Минь, – зашептал Стасик, – ты слышал?

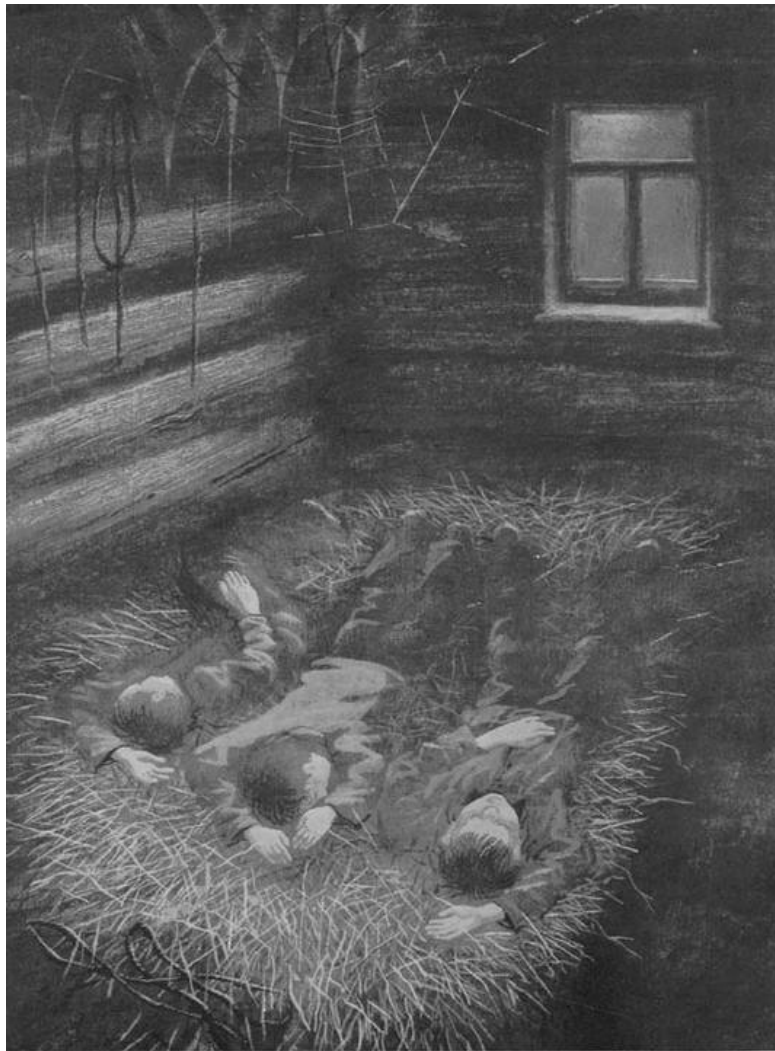
– Тише! Это филин летает.

– А чего он летает?

– Не знаю, – честно признался Минька.

– Наверно, нас ищет, – сказал Хомутов.

– Не ври! Так мы ему и нужны.

В темном окошке бесшумно сверкнул отблеск дальней зарницы. Ветер прошумел по лесу. И снова все затихло. Минька долго прислушивался к ночной тишине. Стасик лежал в середине, Хомутов у стены, и оба, наверное, уже спали. Зазвенел комар, причем около самого носа. Минька шлепнул, но не поймал. Птица опять закричала, но ее крик показался Миньке далеким-далеким. Минька вспомнил, что все трое легли, не снимая ботинок и курточек. Очнуться, чтобы поправить дело, он не сумел. Ребята уснули.

* * *

Под утро стало совсем холодно, а комаров набралось штук сто, а может, и двести. Все они летали, кидались на голые места, кусались. Минька то и дело ворочался, но утром заснул очень крепко. Он пробудился от яркого тонкого солнечного луча, который бил в дырку под крышей. Минька вскочил.

За стеной в лесу оглушительно, на все лады пели птицы. Куковала кукушка, свистели синицы, верещали дрозды. Пищали, высвистывали, стрекотали и щелкали другие, еще неизвестные Миньке птички, но всех сильнее пел у реки соловей. Он перекликался с другим соловьем, оба то щелкали, то чмокали и журчали своими громкими голосами.

«Стасик, Хомутов!» – хотел крикнуть Минька и не крикнул, потому что рядом лежал и сладко спал только один Ста-

сик.

Хомутова у стенки не было. Минька быстро распахнул ворота и разбудил Стасика:

– Эх, Стасик! Опять у нас беда.

Стасик спросонья только моргал, ничего не понимая:

– Может, пописать ушел?

Начали хором кричать, звать Хомутова. Но он не отзывался.

– Да, а сумки-то нету, убежал.

– Эх, а еще клятву давал! – сказал охрипший Стасик. – Предатель этот Хомутов.

Минька тоже чуть не плакал от обиды.

(Побег. Бабка сердится. Домашнее чаепитие.

Катька идет следом за Хомутовым.)

Предатель Хомутов в это время выбегал уже в поле. Он так запыхался, что еле перевел дух. «Теперь-то не заблужусь, — мелькнуло у него в голове. — Вон уже деревню видеть».

И правда, далеко за кустами и полем виднелась деревня. В деревне был дом, а в доме бабка, она хоть и ругала Хомутова, но была все-таки своя. Ночевать дома было совсем нестрашно. Он припустил к деревне изо всех сил. Хозяйственная сумка хотя и была уже пустая, мешала ему. Солнце поднялось снова высоко. Опять начали летать оводы, но Хомутов ничего не замечал. Он рвался домой, в деревню. У околицы он совсем выдохся и пошел тише. Пот катился по вискам и по шее прямо за шиворот. Воздуха не хватало.

Хомутов подошел к дому. На воротах висел большой железный замок. Бабка ушла в магазин и закрыла дом на замок. Конечно, можно было пролезть через хлев или кошачью

дырку в погребке, но Хомутов боялся запачкаться. Штаны и так были разорваны! Еще со вчерашнего. Поэтому он сел на крыльцо и стал ждать бабку. Но бабка долго не приходила. Зато совсем рядом крутилась Катька, сестра Стасика. Она давно заметила Хомутова и, прыгая на одной ноге, то и дело поглядывала в его сторону. Хомутов спрятался от нее в палисаде.

А тут как раз и пришла бабка из магазина. Она увидела на крыльце хозяйственную сумку и сразу поняла, что Хомутов дома.

– Ну-ко вылезай, вылезай, – сказала она, открывая ворота. – Куда спрятался-то? Ну-ко иди сюда-то, иди.

Хомутов вышел из палисада. Вид у него был совсем плохой.

– Ох ты, немытая рожа! – сразу начала бабка Ключиха. – Ох ты неслух, безотцовщина! Ну-ко докладывай. Убежал из пионерского лагеря-то? Ты пошто убежал-то?

Хомутов молча стоял перед бабкой, ковыряя дерн носком ботинка. Хорошо еще, что бабка не видела разорванную штанину.

– Ну-ко марш к умывальнику! – ругалась бабка. – Вымой харю-то да садись за стол. Чаю попьешь, да и обратно. Это где распозгал штанину-то? Ох бес, как на огне одежда горит. Ну-ко скидывай, кому говорят!

Хомутов медленно снял штаны. Оставшись в одних трусах, он следил за бабкой: будет или нет драть крапивой? Баб-

ка только больно шлепнула его, взяла штаны и пошла зашивать.

Хомутов помылся, пока она зашивала. Потом оделся. Бабка поставила сперва самовар, потом пообедали.

– Худо там, что ли, кормят-то? – спросила бабка. – Ну-ко, батюшко, бежи, бежи обратно. Разве можно без спросу домой бегать? Я вот тебе пряников да пирожка в сумку, ты и бежи. Да слушайся там учителя-то, не балуй много-то.

Хомутов захныкал. Тогда бабка надела рукавицу и пошла рвать крапиву. Хомутов схватил сумку с пирогом и магазинными пряниками. Не успела бабка нарвать крапивы, как он был уже на улице.

– Больше до срока не убегай! – кричала она. – Убежишь – так и знай, крапивою задницу выстегая! Да наставников слушайся!

Хомутов нехотя побрел за околицу.

* * *

Катька видела, как он перелез огород, вышел на большую дорогу и потом исчез. «Куда он пошел? – гадала Катька. – Если в пионерлагерь, то и я тоже туда». И Катька пошла следом за Хомутовым. Он не оглядывался и заметил ее только у самого леса, когда прошли большое жаркое поле. Хомутов увидел Катьку и погрозил ей кулаком, чтобы она поворачивала обратно. Но Катька не хотела обратно. Она издалека по-

казала Хомутову язык и пошла за ним дальше. Он скрылся в лесу.

Катька припустила по тропке что было духу. Бежала она легко, потому что была босиком и без всякой поклажи. У развилки дороги, когда начался большой лес, Хомутов опять мелькнул за деревом и опять пропал. Катька все же успела заметить, куда он свернул.

«Эта дорога не в школу, – подумала Катька. – В школу дорога правая, а это левая. Куда же пошел Хомутов?» Она долго шла одна. Опять, как и вчера, над головой жутко шумели сосны, кричал дятел. Девочка остановилась, не зная, что делать. Лес шумел и темнел вокруг. Тропка, огибая большую мокрую яму, совсем почти исчезла. Катька струсила и решила бежать обратно. Она вздумала обойти болотистую низину с другой стороны и потеряла тропу. Испуганно бросилась назад, но тропы не было. Не было ее и там, где Катька только что проходила. Девочка совсем растерялась и пошла напрямую. Но везде торчали коряги, острые сучки и валялись сосновые шишки. Катькины ноги были уже до крови расцарапаны, хотя она и не замечала этого. Она все шла к дороге, а дорога пряталась от нее, и везде стоял и шумел лес. Даже красная земляника, которая то и дело попадалась в траве, не могла отвлечь Катьку от жуткой тревоги. Девочка долго пролезала через какой-то совсем непроходимый чапыжник. Она ободрала и щеку, и руку, выбилась из сил. А когда выбралась из чапыжника, то присела и в ужасе огляделась вокруг себя.

Лес шумел.

– Мама! – сквозь слезы закричала она.

Но ей никто не ответил. Только лес зашумел еще сильнее и тревожней.

(Плохое и хорошее. Рыбалка. Дозор. Встреча.)

Минька даже ни разу ни словечка не сказал о доме! Стасик чувствовал, что ему тоже не стоит об этом говорить. Они оба целое утро трудились не покладая рук, но все равно настроение было плохое. Стасик мысленно перечислял неприятности. Во-первых, он вспомнил холодную комариную ночь, проведенную на прошлогоднем сене. Замерзли под утро так, что оба с Минькой дрожали. Во-вторых, убежал Хомутов. В-третьих, еды осталось совсем мало, да и та покамест в сыром виде, не сварена. В-четвертых...

Стасик не успел додумать, что было еще неприятное. Поплавок дернулся и с головой окунулся в воду. Стасик дернул, леска натянулась, а удилище даже выгнулось. Он вытащил из реки большую тяжелую рыбину. Она улетела далеко позади на берег. Минька и Стасик бросились к ней.

– Отцепляй! Держи!

– Я как дерну, как дерну...

Оказался окунь. Настроение сразу улучшилось. Стасик забыл про дом. Оба с Минькой вновь закинули удочки. Теперь Стасик начал вспоминать, что у них было хорошее. Во-первых, рыба начала клевать. Во-вторых, костер горел всю

напротив завода. Они разожгли его лупой, как только поднялось повыше солнышко. В-третьих, Минька выдвинул предложение. Предложение было такое. Надо вычистить два глиняных куба, вмазанных в кирпичную печь, и разжечь под ними две топки. Кубы нагреются, и в них можно спать ночью, чтоб не замерзать. В-четвертых, днем-то в лесу совсем и не страшно, даже наоборот – весело. В-пятых, поспевает уже земляника...

– Ага! – не выдержал Минька, вытаскивая такого же окуня. – Попался, который кусался!

Через полчаса имелось уже шесть окуней и четыре сорожки. Можно было начинать варить уху. Они так и сделали. Принесли воды в котелке, начистили картошки и нарезали луку. Вымыли картоху и опять принесли воды. Минька сам выпотрошил рыбу ножиком. Стасик отколол топором кусочек соли от гладкого соляного камня, облизанного коровами. Эту соляную глыбу по очереди тащили вчера из поля.

– Минь, бросать? – спросил Стасик, показывая соляной осколок.

– Не! – Минька протирает глаза. Дым от костра был очень едким. – Надо знать сколько.

Он снял свою майку, завернул в нее соляной остаток, положил на камень и начал колотить по нему обухом топора. Вскоре осколок превратился в мелкую соль. Минька высыпал ее в бумажку. Уху посолили. Пока она варилась, Минька забрался на крышу и зорко оглядел лесные окрестности.

– Деревню видно? – спросил Стасик снизу.

– Не-е. – Минька глядел вокруг, как пограничник. – Поле немножко да еще реку. Тише, Стасик! Кто-то по тропке идет...

– Сюда?

– Ыгы...

Минька по зауголкам быстро спустился вниз.

– Ты ложись с той стороны, а я с этой.

Ребята залегли в траву по обе стороны тропки. Они затаили дыхание. Кто-то приближался по лесу. Это был Хомутов. Одной рукой он тащил сумку, другой смахивал с потного лица слепней и оводов.

– Стой! Ни с места! – заорал Минька.

– Стой! – крикнул и Стасик.

Хомутов сначала даже присел от страха, но, когда вспомнил, что это Минька и Стасик, опомнился.

Стасик встал из травы и первый подошел ближе. Долго стояли и ничего не говорили.

– Ты почему убежал? – спросил наконец Стасик.

Хомутов молчал, потупившись. Он слышал, как с другой стороны подходил к нему Минька.

– Ну, говори! – Минька приступил ближе. – Тебя ведь спрашивают.

Хомутов молчал. Молчали все трое. Было на поляне тихо, одна осина шелестела своими жесткими листьями. Минька сделал шаг, грозно приблизившись к Хомутову. Стасик тоже.

Хомутов молчал. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы из лесу не долетел до ребят какой-то странный звук. Ветер вздохнул над ними и заглушил этот звук. Минька прислушался, дожидаясь, когда уляжется ветер. И вдруг все трое отчетливо услышали, как кто-то плачет в лесу.

– Может, филин? – сказал перепуганный Стасик.

– Сам ты филин! – прошептал Минька и снова прислушался.

– Это Катька, наверно! – радостно сказал Хомутов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.